

Contents

ONE	8
1	9
TWO	14
2	15
THREE.....	24
3	25
FOUR.....	38
4	39
FIVE	52
5	53
SIX	62
6	63
SEVEN.....	76
7	77
EIGHT	86
8	87
NINE.....	100
9	101
TEN	126
10	127
ELEVEN	138
11	139
TWELVE	158
12	159
THIRTEEN	178
13	179
FOURTEEN.....	186
14	187
FIFTEEN	200
15	201
SIXTEEN	208
16	209
SEVENTEEN.....	234
17	235
EIGHTEEN.....	252
18	253
NINETEEN.....	274
19	275
TWENTY.....	304
20	305

TWENTY-ONE.....	332
21	333
TWENTY-TWO	350
22	351
TWENTY-THREE.....	360
23	361
TWENTY-FOUR.....	368
24	369
TWENTY-FIVE	378
25	379
TWENTY-SIX	386
26	387
TWENTY-SEVEN	404
27	405
TWENTY-EIGHT	424
28	425
TWENTY-NINE.....	440
29	441
THIRTY.....	448
30	449
THIRTY-ONE	454
31	455
THIRTY-TWO	464
32	465
THIRTY-THREE	472
33	473
THIRTY-FOUR.....	482
34	483
THIRTY-FIVE.....	492
35	493
THIRTY-SIX.....	508
36	509
THIRTY-SEVEN.....	522
37	523
THIRTY-EIGHT	542
38	543
THIRTY-NINE.....	560
39	561
FORTY.....	586
40	587
FORTY-ONE	598
41	599

FORTY-TWO	610
42	611
FORTY-THREE	628
43	629
FORTY-FOUR.....	634
44	635
FORTY-FIVE.....	644
45	645
FORTY-SIX.....	652
46	653
FORTY-SEVEN.....	666
47	667
FORTY-EIGHT	678
48	679
FORTY-NINE.....	696
49	697
FIFTY.....	712
50	713
FIFTY-ONE	732
51	733
FIFTY-TWO	740
52	741
FIFTY-THREE	750
53	751
FIFTY-FOUR.....	760
54	761
FIFTY-FIVE.....	768
55	769
FIFTY-SIX.....	778
56	779
FIFTY-SEVEN.....	798
57	799
FIFTY-EIGHT	812
58	813
FIFTY-NINE.....	824
59	825
SIXTY	836
60	837
SIXTY-ONE.....	882
61	883
ACTIVITIES.....	896

*'Every emancipation is a restoration
of the human world and of human relationships
to man himself'*

Marx,
Zur Judenfrage (1844)

*Всякая эмансипация состоит в том,
что она возвращает человеческий мир,
человеческие отношения к самому человеку.*

К. Маркс.
К еврейскому вопросу (1844)

ONE

*Stretching eyes west
Over the sea,
Wind foul or fair,
Always stood she
Prospect-impressed;
Solely out there
Did her gaze rest,
Never elsewhere
Seemed charm to be.*

HARDY, 'The Riddle'

An easterly is the most disagreeable wind in Lyme Bay — Lyme Bay being that largest bite from the underside of England's out-stretched south-western leg — and a person of curiosity could at once have deduced several strong probabilities about the pair who began to walk down the quay at Lyme Regis, the small but ancient eponym of the inbite, one incisively sharp and blustery morning in the late March of 1867.

The Cobb has invited what familiarity breeds for at least seven hundred years, and the real Lymers will never see much more to it than a long claw of old grey wall that flexes itself against the sea. In fact, since it lies well apart from the main town, a tiny Piraeus to a microscopic Athens, they seem almost to turn their backs on it. Certainly it has cost them enough in repairs through the centuries to justify a certain resentment. But to a less tax-paying, or more discriminating, eye it is quite simply the most beautiful sea-rampart on the south coast of England. And not only because it is, as the guide-books say, redolent of seven hundred years of English history, because ships sailed to meet the Armada from it, because Monmouth landed beside it . . . but finally because it is a superb fragment of folk-art.

1

*Глядя в пенную воду,
Завороженно, одна,
Дни напролет у моря
Молча стояла она,
В погоду и в непогоду,
С вечной печалью во взоре,
Словно найти свободу
Чаяла в синем просторе,
Морю навеки верна.*

Томас Гарди. Загадка¹

Восточный ветер несноснее всех других на заливе Лайм (залив Лайм — это самый глубокий вырез в нижней части ноги, которую Англия вытянула на юго-запад), и человек любопытный мог бы сразу сделать несколько вполне обоснованных предположений насчет пары, которая одним студеным ветреным утром в конце марта 1867 года вышла прогуляться на мол Лайм-Риджиса — маленького, но древнего городка, давшего свое имя заливу.

Мол Кобб уже добрых семьсот лет навлекает на себя презрение, которое люди обыкновенно питают к предметам, слишком хорошо им знакомым, и коренные жители Лайма видят в нем всего лишь старую серую стену, длинной клешней уходящую в море. И в самом деле, вследствие того, что этот крохотный Пирей расположен на порядочном расстоянии от своих микроскопических Афин, то есть от самого города, жители как бы повернулись к нему спиной. Конечно, суммы, которые они веками расходовали на его ремонт, вполне оправдывают некоторую досаду.

Однако на взгляд человека, не обремененного высокими налогами, но зато более любознательного, Кобб, несомненно, самое красивое береговое укрепление на юге Англии. И не только потому, что он, как пишут путеводители, овеян дыханием семи веков английской истории, что отсюда вышли в море корабли навстречу Армаде, что возле него высадился на берег Монмут... А в конце концов, просто потому, что это великолепное произведение народного искусства.

¹ Здесь и далее стихи в переводе И. Комаровой.

Primitive yet complex, elephantine but delicate; as full of subtle curves and volumes as a Henry Moore or a Michelangelo; and pure, clean, salt, a paragon of mass. I exaggerate? Perhaps, but I can be put to the test, for the Cobb has changed very little since the year of which I write; though the town of Lyme has, and the test is not fair if you look back towards land.

However, if you had turned northward and landward in 1867, as the man that day did, your prospect would have been harmonious. A picturesque congeries of some dozen or so houses and a small boatyard — in which, arklife on its stocks, sat the thorax of a lugger — huddled at where the Cobb runs back to land. Half a mile to the east lay, across sloping meadows, the thatched and slated roofs of Lyme itself; a town that had its heyday in the Middle Ages and has been declining ever since. To the west sombre grey cliffs, known locally as Ware Cleeves, rose steeply from the shingled beach where Monmouth entered upon his idiocy. Above them and beyond, stepped massively inland, climbed further cliffs masked by dense woods. It is in this aspect that the Cobb seems most a last bulwark — against all that wild eroding coast to the west. There too I can be put to proof. No house lay visibly then or, beyond a brief misery of beach-huts, lies today in that direction.

The local spy — and there was one — might thus have deduced that these two were strangers, people of some taste, and not to be denied their enjoyment of the Cobb by a mere harsh wind. On the other hand he might, focusing his telescope more closely, have suspected that a mutual solitude interested them rather more than maritime architecture; and he would most certainly have remarked that they were people of a very superior taste as regards their outward appearance.

The young lady was dressed in the height of fashion, for another wind was blowing in 1867: the beginning of a revolt against the crinoline and the large bonnet. The eye in the telescope might have glimpsed a magenta skirt of an almost daring narrowness — and shortness, since two white ankles could be seen beneath the rich green coat and above the black boots that delicately trod the

Примитивный и вместе с тем замысловатый, слоноподобный, но изящный, он, как скульптура Генри Мура или Микеланджело, поражает легкостью плавных форм и объемов; это промытая и просоленная морем каменная громада — словом, если можно так выразиться, масса в чистом виде. Я преувеличиваю? Возможно, но меня легко проверить — ведь с того года, о котором я пишу, Кобб почти не изменился, а вот город Лайм изменился, и если сегодня смотреть на него с мола, проверка ничего вам не даст.

Но если бы вы повернулись к северу и посмотрели на берег в 1867 году, как это сделал молодой человек, который в тот день прогуливался здесь со своею дамой, вашему взору открылась бы на редкость гармоничная картина. Там, где Кобб возвращается обратно к берегу, притулилось десятка два живописных домиков и маленькая верфь, в которой стоял на стапелях похожий на ковчег остов люггера. В полумиле к востоку, на фоне поросших травой склонов, виднелись тростниковые и шиферные крыши самого Лайма, города, который пережил свой расцвет в Средние века и с тех пор постоянно клонился к упадку. В сторону запада, над усыпанным галькой берегом, откуда Монмут пустился в свою идиотскую авантюру, круто вздымались мрачные серые скалы, известные в округе под названием Вэрские утесы. Выше и дальше, скрытые густым лесом, уступами громоздились все новые и новые скалы. Именно отсюда Кобб более всего производит впечатление последней преграды на пути эрозии, разъедающей западный берег. И это тоже можно проверить. Если не считать нескольких жалких прибрежных лачуг, ныне, как и тогда, в той стороне не видно ни единого строения.

Местный соглядатай (а таковой на самом деле существовал) мог поэтому заключить, что упомянутые двое — люди не здешние, ценители красоты и что какой-то там пронизывающий ветер не помешает им полюбоваться Коббом. Правда, наведя свою подозрительную трубу поточнее, он мог бы заподозрить, что прогулка вдвоем интересует их гораздо больше, чем архитектура приморских укреплений, и уж наверняка обратил бы внимание на их изысканную наружность.

Молодая дама была одета по последней моде — ведь около 1867 года подул и другой ветер: начался бунт против кринолинов и огромных шляп. Глаз наблюдателя мог бы рассмотреть в подозрительную трубу пурпурно-красную юбку, почти вызывающе узкую и такую короткую, что из-под темно-зеленого пальто выглядывали ножки в белых чулках и черных ботинках, которые деликатно

revetment; and perched over the netted chignon, one of the impertinent little flat 'pork-pie' hats with a delicate tuft of egret plumes at the side — a millinery style that the resident ladies of Lyme would not dare to wear for at least another year; while the taller man, impeccably in a light grey, with his top hat held in his free hand, had severely reduced his dundrearies, which the arbiters of the best English male fashion had declared a shade vulgar — that is, risible to the foreigner — a year or two previously. The colours of the young lady's clothes would strike us today as distinctly strident; but the world was then in the first fine throes of the discovery of aniline dyes. And what the feminine, by way of compensation for so much else in her expected behaviour, demanded of a colour was brilliance, not discretion.

But where the telescopist would have been at sea himself was with the other figure on that sombre, curving mole. It stood right at the seawardmost end, apparently leaning against an old cannon-barrel up-ended as a bollard. Its clothes were black. The wind moved them, but the figure stood motionless, staring, staring out to sea, more like a living memorial to the drowned, a figure from myth, than any proper fragment of the petty provincial day.

ступали по каменной кладке мола, а также дерзко торчавшую на подхваченной сеткой прическе плоскую круглую шляпку, украшенную пучком перьев белой цапли (шляпы такого фасона лаймские модницы рискнут надеть не раньше чем через год), тогда как рослый молодой человек был одет в безупречное серое пальто и держал в руке цилиндр. Он решительно укоротил свои бакенбарды, ибо законодатели английской мужской моды уже двумя годами раньше объявили длинные бакенбарды несколько вульгарными, то есть смешными, на взгляд иностранца. Цвета одежды молодой дамы сегодня показались бы нам просто кричащими, но в те дни весь мир еще захлебывался от восторга по поводу изобретения анилиновых красителей. И в виде компенсации за предписанное ему благонравие прекрасный пол требовал от красок не скромности, а яркости и блеска.

Но больше всего озадачила бы наблюдателя третья фигура на дальнем конце этого мрачного изогнутого мола. Фигура эта опиралась на торчащий кверху ствол старинной пушки, который служил причальной тумбой. Она была в черном. Ветер развеивал ее одежду, но она стояла неподвижно и все смотрела и смотрела в открытое море, напоминая скорее живой памятник погибшим в морской пучине, некий мифический персонаж, нежели обязательную принадлежность ничтожной провинциальной повседневности.

TWO

In that year (1851) there were some 8,155,000 females of the age of ten upwards in the British population, as compared with 7,600,000 males. Already it will be clear that if the accepted destiny of the Victorian girl was to become a wife and mother, it was unlikely that there would be enough men to go round.

E. Royston Pike,
Human Documents of the Victorian Golden Age

*I'll spread sail of silver and I'll steer towards the sun,
I'll spread sail of silver and I'll steer towards the sun,
And my false love will weep, and my false love will weep,
And my false love will weep for me after I'm gone.*
West-Country Folksong: 'As Sylvie was walking'

My dear Tina, we have paid our homage to Neptune. He will forgive us if we now turn our backs on him.'

'You are not very *galant*.'

'What does that signify, pray?'

'I should have thought you might have wished to prolong an opportunity to hold my arm without impropriety.'

'How delicate we've become.'

'We are not in London now.'

'At the North Pole, if I'm not mistaken.'

'I *wish* to walk to the end.'

And so the man, with a dry look of despair, as if it might be his last, towards land, turned again, and the couple continued down the Cobb.

'And I wish to hear what passed between you and Papa last Thursday.'

'Your aunt has already extracted every detail of that pleasant evening from me.'

The girl stopped, and looked him in the eyes.

'Charles! Now Charles, you may be as dry a stick as you like with everyone else. But you must not be stick-y with me.'

2

В том (1851) году в Англии на 8 155 000 женщин от десяти лет и старше приходилось 7 600 000 мужчин такого же возраста. Из этого со всей очевидностью следует, что, если, согласно общепринятому мнению, судьба назначила викторианской девушке быть женою и матерью, мужчин никак не могло бы хватить на всех.

Э. Ройстон Пайк. Человеческие документы
викторианского золотого века

*Распушу на рассвете серебряный парус,
Понесет меня ветер по буйной волне,
А зазноба моя, что любить обещалась,
Пусть поплачет по мне, пусть поплачет по мне.*

Английская народная песня

— Дорогая Тина, мы отдали дань Нептуну. Надеюсь, он нас простит, если мы теперь повернемся к нему спиной.

— Вы не очень галантны.

— Как прикажете это понимать?

— Я думала, вы захотите, не нарушая приличий, воспользоваться возможностью подольше подержать меня под руку.

— До чего же мы стали щепетильны.

— Мы теперь не в Лондоне.

— Да, скорее на Северном полюсе.

— Я хочу дойти до конца мола.

Молодой человек, бросив в сторону суши взгляд, исполненный столь горького отчаяния, словно он навеки ее покидал, снова повернулся к морю, и парочка продолжала свой путь по Коббу.

— И еще я хочу знать, что произошло между вами и папой в прошлый четверг.

— Ваша тетюшка уже выудила из меня все подробности этого приятного вечера.

Девушка остановилась и посмотрела ему в глаза.

— Чарльз! Послушайте, Чарльз! Вы можете разговаривать подобным образом с кем угодно, но только не со мной. От меня вы так легко не отвяжетесь. Я очень привязчива.